

IV. INFLUENCE OF THE WORLD'S LANGUAGES ON THE GENERAL PRACTICE OF COMMUNICATIVE BEHAVIOR



ОБ ОДНОЙ ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОРДВЫ-МОКШИ САМАРСКОЙ ЛУКИ

Н. В. Беленов

*Кандидат педагогических наук,
Самарский государственный социально-
педагогический университет,
г. Самара, Россия*

Summary. The article discusses one of the topical issues of Mordovian linguistics – the process of preserving different dialects of the same language in conditions of close coexistence. The article is based on the author's own materials collected during the 2017–2019 field seasons.

Keywords: communicative behavior; Mordva; Samara Luka.

В настоящей работе мы хотели бы затронуть одну малоизученную сторону коммуникативного поведения носителей близких, но существенно различающихся между собой говоров одного языка в рассматриваемом случае – мокша-мордовского.

Мордва-мокша Самарской Луки в настоящее время проживает в трёх населённых пунктах на полуострове: Торновое, Шелехметь и Бахилово, в каждом из которых бытует своеобразный говор мокшанского языка. носители бахиловского говора в настоящее время почти не контактируют с торновской и шелехметской мордвой, хотя до строительства плотины Жигулёвской ГЭС и налаживания, в связи с этим, надёжной круглогодичной переправы на левый берег Волги, такие контакты были вполне регулярными (ПМА, Самарская область, Волжский район, Шелехметь, 2018).

Торновская и шелехметская мордва поддерживает регулярные контакты между собой и в настоящее время, расстояние между сёлами небольшое, есть автобусное сообщение, кроме того – нередки браки между носителями торновского и шелехметского говоров друг с другом.

При этом заслуживает внимания тот факт, что торновский и шелехметский говор существенно различаются, более того – сохраняют это различие в описанных выше условиях. При этом за доступный для исследования период (около 50 лет) не наблюдается тенденций к сближению данных говоров.

Как правило, дети, рождённые у пар, члены которых относятся к носителям различных говоров, воспринимают тот говор мокша-мордовского языка, который бытует в селе их проживания [1].

В рассматриваемых говорах сохраняются не только морфологические и фонетические различия, но и лексико-семантические [2], причём, насколько можно судить, причины для подобных различий сложились в эпоху расселения мордвы по Самарской Луке, то есть им, как минимум, четыреста лет [3].

Интересно отметить, что подобная ситуация характерна также и для близкородственных говоров эрзянского языка, например, для говоров эрзянских сёл Кирюшкино и Нуштайкино Бугурусланского района Оренбургской области. Носители нуштайкинского говора сообщали нам во время полевых исследований следующую информацию: «И слова многие, и сама манера говорить у мордвы в различных сёлах, конечно, очень отличаются. Вот, например, кирюшане (жители села Кирюшкино – Н.Б.), хоть они и наши родственники, а вот поставь меня сейчас спиной и пусть кто-нибудь из них заговорит – я сразу отличу, что он из Кирюшкино» (ПМА, Оренбургская область, Бугурусланский район, Нуштайкино, 2019).

На данном этапе исследований установить точные причины подобной устойчивости мордовских говоров сложно.

Возможно, определённую роль здесь играет фактор русского языка, на котором, в основном, происходит общение между жителями различных мордовских сёл, при этом между собой, до недавнего времени, они чаще всего говорили на своём говоре одного из мордовских языков.

Однако, такой подход не объясняет, почему данные различия сохранялись в рассматриваемых говорах до начала XX века, когда по-русски в Торновом и Шелехмети разговаривали только с русскими. В связи с вышесказанным, остаётся констатировать, что решение данного вопроса является делом дальнейших исследований.

Библиографический список

1. Беленов Н.В. Мокша-мордовская топонимия Самарской Луки. – Самара, 2018.
2. Беленов Н.В. Эрзянизмы мокшанских говоров Самарской Луки в этноисторическом контексте // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. – 2018. – №2. – С. 120 – 124.
3. Гераклитов А. А. Роль Саратова и Самары XVII в. в жизни мордвы // Известия Нижневолжского института краеведения. Саратов, 1929. С. 3 – 12.